

«УХОД В ЛЕС» КАК СТРАТЕГИЯ ЭМАНСИПАЦИИ В ПОСТГУМАНИЗМЕ

«THE FOREST PASSAGE» AS AN EMANCIPATORY STRATEGY IN POSTHUMANISM

А. Б. СОСНОВИК

A. B. SOSNOVIK

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: anya.sosnovik@mail.ru*

В статье анализируется возможность применения концепта «ухода в Лес», предложенного Э. Юнгером, для интерпретации практик постгуманизма, который понимается как современное исследовательское направление, настаивающее на отказе от антропоцентризма. «Уход в Лес» выступает стратегией освобождения, поиска неподконтрольного пространства. Выделяемые Э. Юнгером силы, помогающие совершить остановку и найти путь к преобразованию действительности, – вера, любовь и творчество, видятся как ключевые составляющие подхода постгуманизма.

The article analyses the possibility of applying E. Jünger's concept of “the Forest Passage” to interpret the practices of posthuman studies that insist on the rejection of anthropocentrism. “The Forest Passage” is a strategy of emancipation, a search for out-of-control space. The forces that Jünger singled out as the way to transform reality – faith, love and creativity – are seen as key components of the posthuman approach.

Ключевые слова: постгуманизм; Уход в Лес; Юнгер; практики освобождения; постгуманистическое искусство.

Keywords: posthumanism; the Forest Passage; Jünger; emancipatory practices; posthuman art.

Помимо наблюдающегося в современной культуре стремления к отсутствию закреплённости – территориальной, социальной, культурной, – существует и другая тенденция, выражающаяся в возврате к корням, к национальной культуре, и в поиске идентичности. Зачастую через обращение к локальности происходит протест коммодификации, подавлению, которые сопровождают распространение глобальных паттернов и установок. При этом современный мир показывает, что для многих «дом» не является определенной, незыблемой категорией, но скорее подразумевает множественность домов и множественность родственных отношений, которые могут быть созданы в любом пространстве и на любом жизненном этапе. Как отмечает Д. Виленский, «неукорененных существ не бывает, просто имеет смысл сделать понимание корней более открытым – мы движемся неизвестно куда и готовы пустить наши корни там, где мы готовы защищать наши жизни, наши смыслы и не сдвигаться, несмотря ни на что» [1].

Такой подход поддерживается в постгуманизме, понимаемом как совокупность исследовательских проектов конца XX – начала XXI вв., направленных на переоценку категории человека, субъекта и осмысление опыта существования за пределами антропоцентричной парадигмы. Постгуманизм, продолжая постмодернистскую критику «смерти человека», показывает зависимость человека от властных дискурсов, медиа и технологий, а также исследует, каким образом интернализация власти приводит к ис-

пользованию ее механизмов по отношению к другим людям и существам. Представители *posthumanstudies* пытаются помыслить постчеловеческое будущее и проанализировать настоящее, в котором все очевиднее столкновение человеческого и нечеловеческого опытов. Как отмечает Ф. Феррандо, постгуманизм – это «онто-эпистемологический, а также этический подход, который выражается в виде философии медиации, которая отказывается от любых дуализмов, служащих основанием для конфронтации, а также от унаследованных иерархий» [2, с. 49].

Постгуманизм опирается на постмодернистскую методологию и подход женских исследований о ситуативности знания, который показывает, что взгляд, мысль, действие всегда имеют источник, детерминированы окружением: не существует единого нарратива, но есть множество историй, которые важно услышать. Подчеркивается внимание к конкретным территориям, субъектам, в них существующим и имеющим уникальный опыт. К. Хейлз пишет: «Моя мечта – это такой постчеловек, который... признает и утверждает конечность как условие человеческого бытия, понимая, что человеческая жизнь включена в чрезвычайно сложный материальный мир, от которого зависит само наше выживание» [3, с. 5].

Воссоединение с пространством, возврат к материальности, в том числе и к своей собственной – стратегия, позволяющая проникнуть в сложную сеть взаимоотношений между явлениями и одновременно определить среди них свое положение. Это путь, помогающий в эпоху кризиса найти опору, принять всю степень ответственности, – метафорический или буквальный уход, который совершается, чтобы выработать творческую стратегию преобразования действительности.

Так, А. Тойнби показывал, как уход в особое ментальное или территориальное пространство становится источником развития и уходащего, и всего его сообщества. Обращая внимание на роль творческого меньшинства в культурной динамике, Тойнби исследовал культурную универсальность «ухода», подчеркивая, что для действительного изменения вектора движения уходящий должен вернуться, внедряя свои идеи: «Возврат является сущностью всего движения, равно как и его конечной целью» [4, с. 400].

Сторонник консервативной мысли Эрнст Юнгер также видел «уход» как стратегию освобождения, сохранения себя в условиях подавления и невозможности прямого высказывания. В критических эссе, рожденных в послевоенный период и вошедших в сборник «Уход в Лес» (1951 г.) (см. [5]), Юнгер выразил стремление к инакомыслию, демонстрации несогласия, что для человека является экзистенциальной потребностью. Он акцентировал, что даже одиночка способен противостоять: «Одного слова “нет” было бы достаточно; каждый, чей взгляд падал бы на это слово, знал бы наверняка, что оно означает. Это знак того, что порабощение удалось не полностью. Ведь именно на одноцветном фоне символы заметнее всего. На серой поверхности заметно самое маленькое пятнышко» [5, с. 21].

Несмотря на близость Э. Юнгера к национализму на начальном этапе его творчества, в послевоенных эссе он выражает протест и против тоталитарного общества, и против иллюзии демократии, которая захватила современный мир. Он понимал действительность XX в. как эпоху титанов, использующих технологическое совершенствование в качестве инструмента омассовления человека, дегуманизации – исключения из жизни творческого начала и способности к сопротивлению. Общество парит в опустыненном пространстве, находится на замкнутом концептуальном Корабле. Титаник, оснащенный в соответствии с последними достижениями технологии, стремительно мчится навстречу своей гибели, однако прикладывает всевозможные усилия, чтобы не сбиться с курса и не дать ни единому живому существу сойти на берег.

Альтернативой Кораблю служит топос Леса – открытого, неисследованного пространства, включающего множество троп и дающего обилие новых идей и путей трансформации. «Уход в лес – отнюдь не идиллия скрывается за этим названием. Напротив, читатель должен быть готов к рискованной прогулке не только по проторенным тропам, но и, быть может, уводящей за пределы исследованного» [5, с. 6], – пишет Юнгер, подчеркивая, что, хотя на такой радикальный шаг готов не каждый, это возможность, доступная любому, кто отважится отправиться навстречу неизведанному в мире, в другом, в самом себе.

Помогают совершить уход три силы, открывающие путь к вневременному бытию, – учение о трансценденции, эрос и творчество. Духовность, сочетаясь с любовным переживанием и творческим порывом, позволяет найти неподконтрольную зону. При этом эти силы могут быть применены и обнаружены в различных ситуациях и пространствах: в ситуации невозможности прямого высказывания и действия мысль, чувство служит опорой, их сложнее всего отнять: «Ушедший в Лес не спрашивает об оружии, насколько оно современное, сколько его в наличии и есть ли оно вообще. Это все важно на Корабле. Уход же в Лес можно совершить в любое время, в любом месте и даже в виду значительно превосходящих сил. В таком случае он тем более остается единственной формой сопротивления» [5, с. 93].

Таким образом, Э. Юнгер демонстрирует тактику переживания, которая становится и стратегией эмансипации. «Уход в Лес» при этом понимается не как тотальное отречение от существующей действительности, молчаливое принятие, но как поиск ресурса и возможного пути для возвращения и продолжения борьбы. Это, как комментирует юнгеровский проект А. Михайловский, «меморандум партизана» [5, с. 137], который знаком с таинственными лесными тропами, недоступными большинству, и находит среди них приют.

Но каким образом модернистская стратегия, сосредоточенная на опыте и эмансипации человека, может быть применена в постгуманистическом праксисе? Как «уходящий в Лес» может воссоединиться не только с собой, но и со всем нечеловеческим многообразием мира, при этом не воспринимая «Лес» в качестве ресурса, который можно потреблять и потреблять, а привнося в него нечто иное и развиваясь с ним в содружестве?

Прежде всего, «уход в Лес» – стратегия поиска неподконтрольного внешним силам пространства. «Уходящий в Лес» ускользает от всевидящего ока, переходит в слепые зоны, где возможна свобода. Он, как и кочевник-номад в концепции Ж. Делёза и Ф. Гваттари, существует на границе, является своего рода аномалией, которую не удастся подчинить. Однако его ускользание – это не постоянное движение, которое может приводить к потере связей и устойчивости, но путешествие на такую территорию, где можно задержаться и найти дом. «Уход в Лес» – не бесприютность, а стремление обрести приют даже в открытых, выжженных современностью пространствах. Как писал Юнгер, «Лес повсюду. Лес есть как в заброшенных местах, так и в городах, где Ушедший в Лес живет в подполье или под маской своей профессии. Лес как в пустынях, так и в маквисе. Лес как в отечестве, так и на любой другой земле, где можно вести сопротивление. Лес, прежде всего, в глубоком тылу самого врага» [5, с. 94]. Это пространство с иным течением времени, противостоящее всеобщему ускорению и мобилизации; на него не распространяется чрезвычайное положение современности.

Убежденность в вездесущности Леса является близкой к постгуманизму по своей сути, т. к. демонстрирует, что сообщества могут быть построены повсюду, в любой точке мира, пронизанного сетью связей и взаимоотношений.

Одной из форм ускользания является практика дауншифтинга, ставшая культурным трендом современности и подразумевающая обращение к локальному опыту. Она воплощает мечту трансформировать территорию, устранить оппозицию центра и периферии, что возможно благодаря обустройству малых населенных пунктов и сохранению в них жизни. Это не отшельничество, не разрыв всякого взаимодействия с социальным, но способ построения локальных сообществ, где связаны «уходящие в Лес», местные жители и окружающая среда со всеми в нее входящими. Странники движения помогают создавать рабочие места в небольших населенных пунктах путем открытия локального бизнеса, участвуют в сохранении и реставрации наследия, курируют культурные проекты и программы, направленные на развитие местного сообщества и поддержку его традиций.

Белорусский писатель А. Горват в повести-дневнике, передающей личный опыт отказа от жизни в большом городе, пишет: «Я належу да цэлага пакалення людзей – і ў вёсцы, і ў горадзе, – якія стаміліся верыць у абстрактнае. Я-мы прагнуліся, паглядзелі ў акно, убачылі, што шмат жыцця прайшло, і зрабілі свой выбар – будаваць свае маленькія хаткі на ўскрайках вялікіх сусветаў» [6, с. 235]. Это своего рода партизанская жизнь, в которой периферия, окраина трансформируется и наделяется самостоятельным смыслом, выступает источником свободы и отношений, основанных на совместном становлении. Разнородные причудливые формы, практики образы жизни таким образом защищаются от растворения и уничтожения и подпитываются спецификой территории, что соответствует концепции «Ухода в Лес» и в то же время является постгуманистическим.

Кроме того, «Уход в Лес» совершается с помощью современных практик «медленной жизни» – и особой философии, и политического акта, и стратегии существования, и ментального состояния, и поиска своего места в среде. Она помогает найти выход из стремительного потока повседневности через духовный поиск, творчество, остановку, созерцание. Отношения с собой и миром, основанные не на потреблении, но на вчувствовании, могут открываться через телесные практики – танец, медитацию, прогулки, плавание и др.; рождаются благодаря творческим проектам на стыке природо-культурного и «медленному» получению знания – вдумчивому чтению, акценту на общение и взаимодействие. «Медленная жизнь» на практике приближается к постгуманистическому состоянию, стирая границы между человеком и средой.

Силы, открывающие субъекту путь в Лес – духовность, любовь и творчество – также соотносятся с постгуманистической теорией. Важность для Э. Юнгера учения о трансцендентном не противоречит постгуманизму, снимающему оппозицию трансцендентное–имманентное. Духовный, эзотерический опыт признается возможной стратегией сопротивления, которая на протяжении истории применялась различными угнетаемыми сообществами. Эрос, любовное переживание также утверждается в качестве движущей силы, выступает способом солидаризации. Постгуманистическая любовь – не индивидуальное, замкнутое чувство, а революция и одновременно эмпатия, распространяющаяся на всех других и помогающая выстроить с ними взаимоотношения, основанные на признании их субъектности, ответственности и сопричастности.

Третья сила, творчество, по мысли Юнгера, – и есть Лес, вневременное бытие, которое доступно даже в самых чудовищных условиях. Эксперимент становится и мыслительным путешествием, и практикой, делающей другие миры и формы жизни возможными. Хотя Т. Адорно писал о «невозможности поэзии после Освенцима», в творческом акте субъект способен обнажать каждую трещину кровоточащей действительности и одновременно обнаруживать пространство для временной остановки. Творчество явля-

ется производительной силой и для постгуманизма, который на границе воображения и реальности создает возможные формы существования.

В качестве конкретного примера из визуального искусства можно привести работы белорусской художницы А. Рыдлевской, осмысляющей существование в ежесекундно трансформирующейся действительности. На многих картинах субъект переживает травмирующий опыт, сталкивается с жутким и бесчеловечным, но проводниками в иную действительность для него служат фигуры животного, природные объекты, небесные тела, мифологические существа: установив связи с миром вокруг нас, взяв ответственность за себя и других, возможно выжить.

Также произведения, пронизанные постгуманистическим ощущением, создает белорусский художник Bazinato, работающий на стыке искусства и науки, переосмысляющий территорию и соотношение человеческого и нечеловеческого. Он взаимодействует непосредственно с Лесом, внедряя в него объекты, не нарушающие существующие связи, но становящиеся частью жизненного цикла.

Способом проникнуть в шум тишины, звуки мира за пределами человеческого являются музыкальные эксперименты, обращающие внимание на сложность, неоднородность звука, которые имеет среда. Так, постгуманистические интенции имеет авангардная конкретная музыка (П. Шеффер, Дж. Кейдж и др.), где не композиции, но скорее звуковые ряды создавались путем записи шума, исходящего от природных явлений и объектов. На этой практике основаны современные «звуковые прогулки», во время которых участники вслушиваются во взаимодействие вещей и существ. Сегодня постгуманистическая музыка рождается из попыток с помощью технологий перевести трансформацию среды на человеческий язык: композиции основываются на графиках уменьшения осадков, течениях рек, излучении черных дыр и т. д.

Кроме того, стремление современного человека к уходу от невыносимой действительности, наполненной уязвимостью, травмами и страхом, выражается в литературных практиках – в частности, в прозе жанра автофикшн, где личные переживания авторов и события, имевшие место реальности, связаны единым нарративом с многообразием мира и его историей. Писательницы О. Лэнг, К. Маклир, Р. Каск, Э. Липтрот, О. Васякина и др. показывают, что уход за пределы человеческого открывает многочисленные постгуманистические связи, что способно излечить, утешить и вдохновить.

«Уход в Лес» как возможность эмансипации проявляется и в современной белорусской литературе, представители которой, в частности, Е. Вежнавец, Т. Скарынкина, А. Горват и др., обращаются к локальному опыту, «местечковой жизни», посредством чего «ўсё асуджанае на знікненне атрымлівае... апошні шанец – і ажывае...» [7].

Итак, «уход» включает в себе универсальный опыт эмансипации, потенциал которого может быть направлен на творческий поиск новых вариантов существования, в том числе, за пределами антропоцентризма, как в постгуманистическом подходе. Пространство свободы, которое возможно найти и в удалении от центра, и в сосредоточении цивилизации, выступает местом встречи с Другими. Творчество становится витальной силой, ключевой для постгуманистической теории, которая парадоксально верит в возможность иных миров, способов существования, основанных на любви между человеком и нечеловеческими другими, и стремится приблизить наступление такого будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Виленский Т. Э. От номада к корням. И обратно [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/104/article/2291> (дата обращения: 21.10.2021).

2. *Феррандо Ф.* Философский постгуманизм. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022.
3. *Hayles K.* How we became posthuman: virtual bodies in cybernetics, literature, and informatics. London: The University of Chicago Press, 1999.
4. *Тойнби А. Д.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
5. *Юнгер Э.* Уход в лес / Э. Юнгер. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
6. *Горват А.* Радзіва «Прудок»: дзённік. Мінск: «Медысонт», 2021.
7. *Скарынкiна Т. У.* Райцэнтр: эсэ. Мінск: Р.М. Цымбераў, 2022.